

Е. П. Истомина

Мотив границы в хронотопе «Сна Обломова» в романе И. А. Гончарова «Обломов»

В статье исследуется семантическое наполнение и роль мотива границы в хронотопе «Сна Обломова». Выявляются принципы функционирования внешней границы, разбивающей художественное пространство на «свой» и «чужой» мир, и внутренней, организующей пространство «своего» мира. Анализ семантических модификаций и развития мотива границы в хронотопе «Сна Обломова» позволяет приблизиться к пониманию авторской модели мира.

Ключевые слова: граница, мотив, хронотоп, «свое» и «чужое», оппозиция, художественное пространство и время, идиллия, модель мира, художественная структура, мифопоэтический хронотоп.

E. P. Istomina

The Motif of Border in the Chronotop of the "Obломov's Dream"

The article explores the semantic filling and role of the motif of border in the chronotop of the "Obломov's dream". Are discovered principles of action of the external border which divides the artistic space into "own" and "alien" worlds, and the internal border which organizes the space of "own" world. The analysis of semantic modifications and development of the motif of border in the chronotop of the "Obломov's Dream" allows to realize the author's world model.

Keywords: a border, a motif, a chronotop, "own" and "alien", an opposition, artistic space and time, idyll, a world model, an artistic structure, a mythopoetic chronotop.

Категория границы является важнейшим научным, философским и этическим понятием. Обозначая совмещение несовместимого, точку, в которой нечто переходит в свою противоположность, граница обладает парадоксальной сущностью: разъединяя вещи, она в то же время объединяет их, становится основой их связи.

В практике литературоведческого анализа понятие «граница» относится к широко используемому. К исследованию феномена границы как механизма смыслообразования в искусстве обращались Ю. М. Лотман [5, 6], М. М. Бахтин [2], Н. Т. Рымарь [8], М. Н. Виротайнен [3], Г. Плумпе [7] и др. Однако систематического осмысления в науке о литературе понятие «граница» до сих пор не получило.

В любой картине мира граница выступает как одна из наиболее насыщенных в семантическом плане пространственных категорий. По утверждению Ю. М. Лотмана, «всякая «культурная» картина мира является «бинарной» по своей сути, то есть любая семиотическая модель пространства оказывается с необходимостью разделенной на два «участка»: внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»). Внутреннее пространство разделено на субпространства различного рода внутренними границами, которые играют решающую роль в организации его структуры» [5, с. 468].

В статье предпринята попытка выявить принципы функционирования мотива границы в хронотопе первой части романа И. А. Гончарова «Обломов» («Сон Обломова»), имеющей принципиальное значение для понимания целостной концепции произведения. Мы исходим из положения о дуальности мотива, которая предполагает наличие общего инварианта мотива и индивидуальных значений, возникающих в каждом конкретном случае реализации варианта мотива в нарративе. Важнейшим свойством мотива является его способность к модификации, как в содержательном плане, так и с точки зрения формы.

С разбиения мира на «чужое» и «свое» начинается повествование о детстве Обломова. Погружение в мир Обломовки совершается как переход точки зрения повествователя от безграничности «чужого» мира к уютной ограниченности «своего» «мирка». С точки зрения архаических представлений, «чужой» мир является неизвестным и нерасчлененным. Так, мотив «чужого» мира в хронотопе «Сна Обломова» реализуется через образы с семантикой отсутствия видимых границ: море с его «необозримой пеленой вод» и «однообразием бесконечной картины», небо, которое «как бы отступило от людей», побережье, где «никогда не ступала нога человека».

«Не таков мирный уголок, где вдруг очутился наш герой» [4, с. 103]. Уже само слово «уголок» указывает на малость и ограниченность пространства. В Обломовке человеку уютно жить, у него не возникает ощущения незащищенности перед огромностью мироздания. Небо там «ближе жметя к земле, но не с тем, чтоб метать сильнее стрелы, а разве только, чтоб обнять ее покрепче, с любовью: оно распростерлось так невысоко над головой, как родительская надежная кровля, чтоб убересть, кажется, избранный уголок от всяких невзгод» [4, с. 103]. В этом пейзаже снимается оппозиция «небо-земля», которая в большом мире означает непримиримое противопоставление духовного и материального, идеала и реальности. В мире Обломовки «вертикаль» отменяется. В природе полюса как будто испытывают взаимное притяжение (небо ближе жметя к земле, чтоб обнять ее покрепче). Уподобление неба, важнейшей внешней границы мироздания, «родительской надежной кровле» формирует модель мира Обломовки в категориях дома и семьи.

Никто из жителей Обломовки не стремится выйти за рамки этого малого мира, связь с «чужим» миром почти утеряна: «Крестьяне в известное время возили хлеб на ближайшую пристань к Волге, которая была их Колхидой и Геркулесовыми Столпами, да раз в год ездили некоторые на ярмарку, и более никаких сношений ни с кем не имели» [4, с. 108]. Примечательно, что в образе границы сливается реальное (пристань, Волга) и мифологическое (Колхида, Геркулесовы Столпы). И чем дальше границы располагаются от мира Обломовки, тем более они мифологизируются: так, они «слыхали, что есть Москва и Питер, что за Питером живут французы или немцы, а далее уже начинался для них, как для древних, темный мир, неизвестные страны, населенные чудовищами, людьми о двух головах, великанами; там следовал мрак – и, наконец, все оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю» [4, с. 108].

Граница с «чужим» миром не подразумевает контакт, и любые предпосылки взаимодействия с ним вызывают реакцию страха. Так, найденный «за околицей, в канаве, у моста» – на границе пространств – «нездешний» человек приобретает в детском фантазийном сознании черты «страшного змея или оборотня», но и сознание взрослых также мифологизирует «тот» мир и тех, кто напоминает о нем. Их заключение о человеке за околицей таково: «Там лежит нездешний, ничего не бает и Бог его ведает, что он там» [4, с. 110].

Мотив границы создает атмосферу пространственной отъединенности идиллического «уголка» от большого мира, при этом акцентируется аксиоло-

гический аспект мотива границы, отражающий жизненную позицию обломовцев. Замкнутость, сосредоточенность жизни на самой себе рождает в них чувство самоудовлетворенности, достигнутого благоденствия и отменяет всякое развитие: «Интересы их были сосредоточены на них самих, не перекрещивались и не соприкасались ни с чьими», «не с чем даже было сличить им своего житья-бытья: хорошо ли они живут, нет ли; богаты ли они, бедны ли; можно ли было чего еще пожелать, что есть у других. Счастливые люди жили, думая, что иначе и не должно и не может быть, уверенные, что и все другие живут точно так же и что жить иначе – грех» [4, с. 108].

Самодостаточность их жизни подтверждается опытом предшествующих поколений, который осознается как личный опыт: «...норма жизни была готова и преподана родителями... О чем же им было задумываться и чем волноваться, что узнавать, каких целей добиваться?» [Т. 4, с. 126] Все, что происходит впервые, что не закреплено традицией, ценности для людей не имеет или встречается враждебно. Такая жизнь отменяет личную ответственность человека.

Мотив границы является важнейшим фактором организации и внутреннего пространства Обломовки.

Внимание повествователя привлекает прежде всего естественная гармония пейзажа, которая выражена через состояние слитности границ: «Песчаные и отлогие берега светлой речки, подбирающийся с холма к воде мелкий кустарник, искривленный овраг с ручьем на дне и березовая роща – все как будто было нарочно прибрано одно к одному и мастерски нарисовано» [4, с. 108]. Внутренние границы в мире Обломовки, границы сопредельных сфер пространства, предельно сглажены (это подчеркнуто словами с семантикой приближения, присоединения: «подбирающийся», «прибрано»).

Ведущим аспектом семантической разработки мотива границы в хронотопе «Сна Обломова» становится время. Как сглажены пространственные границы в мире Обломовки, так же условны и временные границы: грани одной и той же жизни и жизни всего коллектива. «Начинались повторения: рождение детей, обряды, пиры, пока похороны не изменят декорации; но ненадолго: одни лица уступают место другим, дети становятся юношами и вместе с тем женихами; женятся, производят подобных себе – и так жизнь по этой программе тянется непрерывной однообразною тканью, незаметно обрываясь у самой могилы» [4, с. 128]. Жизнь обломовцев сводится к небольшому кругу событий, причем границы между ними неопреде-

ленные; они плавно переходят друг в друга, составляя некое единство, в котором нет конфликта. Рождение, брак, смерть – все здесь равновелико по своему значению, и каждый новый жизненный акт – продолжение предыдущего, причем благодаря невыделенности индивидуальной судьбы конец жизни не означает конец этого движения, и вслед за смертью снова идет рождение человека.

Течение времени определяется здесь сменой времен года, это время природы, а не истории, оно не приносит ничего нового: «Правильно и невозмутимо совершается там годовой круг» [4, с. 104]. В таком круговороте, противопоставленном линейному времени, времени истории и уникальной человеческой жизни, есть однообразная мерность, но нет трагизма и даже драматичности. «Ни страшных бурь, ни разрушений» не случается в этом краю. Жизнь человека также не знает духовных переворотов и потрясений: «Тишина и невозмутимое спокойствие царствуют и в нравах людей в том краю. Ни грабежей, ни убийств, никаких страшных случайностей не бывало там; ни сильные страсти, ни отважные предприятия не волновали их» [4, с. 108].

Следует отметить, что мотив границы меняет свой статус в хронотопе «Сна Обломова», когда меняется ракурс повествования, переходя к детскому восприятию мира. В Обломовку, в эту неподвижную, застывшую среду Гончаров помещает растущего человека – Илюшу Обломова.

В мире ребенка граница еще не перестала существовать как реальный факт мира. Детская любознательность влечет Илюшу к открытию все новых и новых пространств окружающего мира, выйти за пределы уже знакомых родительского дома, двора, сада и, преодолев опасность, подняться над всем этим («вертикаль», которую избегают и боятся обломовцы) и взглянуть на речку: «Ему страсть как хочется взбежать на огибающую весь дом, висячую галерею, чтобы посмотреть оттуда на речку; но галерея ветха, чуть держится, и по ней дозволяется ходить только “людям”, а господа не ходят. Он не внимал запрещениям матери и уже направился было к соблазнительным ступеням, но на крыльце показалась няня и кое-как поймала его» [4, с. 112]. В самой фразе на лексическом уровне приведены в столкновение детский и взрослый, «обломовский» взгляды на мир. Так, в ребенке не подавлено еще истинное чувство («страсть как хочется»), для него открыта радость познания («взбежать», «соблазнительные ступени»). Ему противостоит «ограниченное» и ограничивающее «обломовское» сознание, которое «дозволяет» и «запрещает», накладывает разнообразные табу, делит всех на «людей» и «господ»...

Автор акцентирует возраст ребенка – семь лет, как раз тот возраст (пограничный), когда человек вступает в стадию сознательного познания мира. Однако родительская опека не дает спокойно проявляться естественным потребностям возраста, все воспитательные действия взрослых клонятся к ограждению ребенка от ярких впечатлений, какого-либо напряжения: «Не оставлять одного, не допускать к лошадям, к собакам, козлу, не уходить далеко от дома, а главное, не пускать его в овраг, как самое страшное место в околотке, пользовавшееся дурной репутацией» [4, с. 111]. Сумма «воспитательных наказов» няньке состоит из бесконечных «нет» и «не», среди которых самое важное – запрет на пересечение границы (не допускать в овраг!). И именно через отрицание этих запретов проявляется «самостоятельная жизнь» ребенка, когда весь обломовский мир погружается в сон: «ребенок уж прибежал к краю, зажмурил глаза, хотел заглянуть, как в кратер вулкана... но вдруг перед ним восстали все толки и предания об этом овраге: его объял ужас, и он, ни жив ни мертв, мчится назад и, дрожа от страха, бросился к няньке и разбудил старуху» [4, с. 118].

Илюшу в Обломовке насильственно ограничивают в действиях, впечатлениях, подавляют его природную энергию и любознательность, компенсируя отчасти потери в самостоятельном познании мира развитием воображения, питаемого «необузданной фантазией». И только здесь – в мире своей фантазии – ребенок познает свободу: «Слушая от няни сказки о нашем золотом руне – Жар-птице, о преградах и тайниках волшебного замка, мальчик то бодрился, воображая себя героем подвига, – и мурашки бегали у него по спине, то страдал за неудачи храбреца» [4, с. 123]. «Преграды», «подвиг» на архетипическом уровне актуализируют представление о мифологической границе, той страшной периферии, отправляясь к которой герой испытывает себя и рождается как настоящий герой, свершающий подвиги, спасающий мир. Именно граница как зона максимальной опасности и ответственности заставляет человека напрягать свою волю, действовать, реализовывать заложенные внутри потенции. Только сказочный мир дает ребенку возможность почувствовать себя героем, реальный же мир делает из него пленника. Таким образом, граница, которая внешне конституирует мир Обломовки как всеобщий уютный, защищенный дом, одновременно делает этот мир похожим на тюрьму. Обезличенное, закрытое, ограниченное, самососредоточенное существование, которое писатель именуется «обломовщиной», противоестественно для человека, «назначение» которого пройти предназначенный ему природой путь развития.

На смену детству приходит отрочество, и Гончаров запечатлевает этот переход как один из важнейших этапов в развитии и судьбе героя. Илюше 13–14 лет. Это период отъединения от семьи и ухода в мир сверстников, эпоха приобщения к общим проблемам бытия. Но такого отъединения не происходит, свободы даже на этом этапе взросления для юного Илюши не становится больше.

Илья рос, «лелеемый, как экзотический цветок в теплице, и так же, как последний под стеклом, он рос медленно и вяло. Ищущие проявления силы обращались внутрь и никли, увядая» [4, с. 146]. Каждое слово в этом заключении чрезвычайно значимо. «Теплица», «стекло» – метафора искусственных границ, отторженности от мира, где свободно произрастает все живое. Слово «увядая» говорит о драме преждевременного угасания героя в искусственно созданных условиях мира Обломовки.

Финал «Сна» напоминает о его начале (семилетний Илюша просыпается в постельке). Он опять просыпается нормальным подростком (как, бывало, просыпался нормальным ребенком) – бодрым, свежим, веселым, он чувствует, «в нем что-то кипит, точно поселился бесенок какой-нибудь, который так и поддразнивает его» [4, с. 146]. Как и в семилетнем возрасте, его влечет свобода, ему хочется нарушать запретные, «опасные» границы – бежать в овраг, в деревню, шалить и веселиться. Но появились и естественные желания именно подростка: «увязаться за мальчишками, играть в снежки, попробовать свои силы» [4, с. 146]. Но жизнь вновь насильственно оборвана вторжением «оберегающей» родительской воли: «уже овладели барчонком, укутали его в захваченный тулуп, потом в отцовскую шубу, потом в два одеяла и торжественно принесли на руках домой» [4, с. 147]. Возвращение его в родительский дом описано как пленение, захват враждебной, превосходящей силой. Тулуп, шуба, два одеяла – это семантические воплощения мотива границы, с помощью которых показано, как полный жизни подросток опять превращен в безвольное дитя, спеленут, как в младенчестве, и насильственно возвращен в детство.

Анализ семантического наполнения мотива границы в хронотопе «Сна Обломова» позволяет сделать следующие выводы.

Оппозиция «свое» – «чужое» в хронотопе «Сна Обломова» получает конкретное наполнение – «Обломовка – большой мир». Благодаря ряду семантических реализаций мотива границы: небо, подобное «родительской надежной кровле», пристань, Волга, Геркулесовы столпы, Колхида, отсутствие контакта между «чужим» и «своим» миром, страх из-за вмешательства «чужого» мира в «свой» мирок – создается впечатление следования мифо-

логической трактовке границы и одновременно ее деконструкции. И в мифе, и в основанном на нем эпосе герой из мира, в котором находится сакральный центр, отправляется на периферию, к остаткам хаоса, чтобы, победив хтонические силы и освоив «чужое» пространство, вернуться к центру. Отчетливо поделенное на «свое» и «чужое», пространство Обломовки не подразумевает расширения. Таким образом, утрачивается один из важнейших семантических компонентов архетипа границы – способность быть средством и способом перехода. Сущность границы определяется ее тотальной замкнутостью.

Реализованный через семантические варианты круга, кровли, колыбели и др., мотив границы формирует модель провинциального мира как семьи. Динамика мотива границы в хронотопе «Сна Обломова» связывается со сменой повествовательной перспективы, переходом к детскому восприятию мира. Анализ развития рассматриваемого мотива приводит к выводу, что семантические варианты границы – запрет, стекло, теплица и др. – трансформируют идиллический мир из защищенного дома в защитный кокон, сдерживающий рост – развитие.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Виролайнен, М. Н. Исторические метаморфозы русской словесности [Текст] / М. Н. Виролайнен. – СПб.: Амфора, 2007. – 495 с.
4. Гончаров, И. А. Собрание сочинений [Текст]: в 8 т. / И. А. Гончаров [Подгот. текста и примеч. А. П. Рыбасова; Вступ. ст. С. М. Петрова]. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952–1955.
5. Лотман, Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры [Текст] / Ю. М. Лотман // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2001. – С. 462–484.
6. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
7. Плумпе, Г. Граница как «порог» – граница как «различие» (Об одном топосе немецкой литературы XX века) [Текст] / Г. Плумпе // Граница и опыт границы в художественном языке. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2003. – С. 23–32.
8. Рымарь, Н. Т. О функциях границы в художественном языке [Текст] / Н. Т. Рымарь // Граница и опыт границы в художественном языке. Вып. 2 / научн. ред. Н. Т. Рымарь. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2004. – С. 28–42.